

Коллекция «ГАРФАНГ»
ЛИТЕРАТУРА БЕСПОКОЙНОГО ПРИСУТСТВИЯ

Томас Оуэн

ДАГИДЫ

*Перевод с французского
Евгения Головина*

ЯЗЫКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Москва

2000

ББК 84.4Б
О 90

Коллекцию ведет

Евгений Головин

В издании коллекции участвуют

Сергей Жигалкин, Ирина Колташева

Оуэн Томас

О 90 Дагиды / Пер. с фр. Е. В. Головина. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 368 с.

ISBN 5-7859-0182-X

Бельгийский писатель Томас Оуэн родился в 1910 году. Мастер деликатной психологической прозы, насыщенной фантастическим колоритом. Его оригинальный гуманизм отмечен скепсисом по отношению к любой идеологии и любому познавательному ориентиру. В нашу эпоху, считает он, задачей писателя является не решение проблем, но разветвление проблем. Впросительному знаку альтернативы нет.

ББК 84.4Б

ISBN 5-7859-0182-X

© Е. В. Головин. Перевод,
послесловие, 2000

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ДЕВУШКА ДОЖДЯ

Еще есть время убежать...

РОЖЕ МАРЖЕРИ

В стакане на столе букетик ландышей увял окончательно. В углу комнаты рядом с лакированным шкапом расположились два серых саквояжа. Он сидел на кровати, зажав ладони меж колен и не поднимая глаз, — какой толк смотреть в окно: дождь шел и шел без конца. Созерцал мыски своих туфель, слушал монотонный шум на мостовой и в водосточной трубе. Скука медленно превращалась в унылую злобу.

Доппельгангер тяжело вздохнул и спросил себя еще раз, продолжать ли такой отдых или вернуться домой. В мае месяце на берегу Северного моря бывает очень плохо или очень хорошо. Ему явно не повезло. Многие постояльцы отеля мрачно собирали вещи. Он задумал остаться до вечера, а потом решить свою судьбу.

Ближе к вечеру, соответственно одевшись, он отправился гулять, невзирая на погоду. Горничная в холле возила пылесос вяло, без всякого вдохновения. Портье заглянул в свой ящик, сообщил об отсутствии

корреспонденции и пожелал Доппельгангеру хорошей прогулки. Выражение физиономии портье соответствовало погоде. Он проводил его до двери, которую ментально закрыл, и сказал несколько слов горничной. Доппельгангер, хоть и не расслышал, понял, что это по его поводу. Не все ли равно! На безлюдной дамбе косой дождь бил в лицо. Серое и неприкаянное море гнало беспорядочные волны, которые, рыча, как монстры, разбивались в пену против черных и сверкающих волнорезов. По синим каменным ступеням, где в погожие дни сновали туда-сюда веселые купальщики, он спустился на покинутый пляж. Он шел против ветра, стараясь регулировать дыхание. Дождевые струи секли щеки, но покалывание кожи не вызывало особого огорчения — только время от времени из прищуренных глаз выкатывалась слеза и горячо щекотала холодную щеку. Он шел спокойно, правильным шагом. На затвердевшем после отлива песке под его каблучками похрустывали раковинки. Позади остались последние прибрежные виллы — далее до самого горизонта тянулась безрадостная пустошь. Дождь застил глаза, и туманная пелена столь ступила, что, если бы путник остановился и повернулся вокруг своей оси, он легко вообразил бы, что стены водяной тюрьмы изолировали его от всего остального мира. Однако море находилось слева, а дюны, хотя и неразличимые, справа — он не мог заблудиться. К тому же и волнорезы служили недурным ориентиром. Но чувствовал он себя не очень-то блестяще — томило смутное беспокойство. Стоило ли продолжать неудобный променад? Его брю-

ки от колен до щиколоток вымокли насквозь, и мало-помалу сырость давала себя знать через обувь. Он хотел вернуться восвояси, как вдруг из тумана проступила фигура девушки. Молодая и бледная, с живописно растрепанными волосами, она ему напомнила известное изображение Бонапарта на Аркольском мосту. Она была одета в анорак и узкие брюки. Она улыбалась. Ее руки были в пятнах крови.

Доппельгангер вскинул глаза: рана либо увечье? Девушка отрицательно и весьма грациозно покачала головой. Она медленно подняла руки на уровень груди, как делают обычно после возни со смородиной для конфитюра, чтобы не запачкать платья. Но в мае не случается смородины, да и девушка не походила на любительницу подобных занятий.

Они стояли неподвижно лицом к лицу. Испуганный поначалу за ее здоровье, Доппельгангер теперь недоуменно хмурился. Неизвестная, напротив, находила ситуацию забавной. Она, казалось, поддразнивала его, но беззлобно. Он прервал наконец молчание:

— У вас, похоже, кровь на руках.

— Верно. Это замечательное средство. Кровь и дождь хорошо смягчают кожу. Получше, чем всякие там кремы и массажи.

Он вздумал ядовито подшутить:

— Убили кого-нибудь?

Девушка подняла бровь, высунула кончик языка, лизнула дождевую каплю на верхней губе, потом холодно произнесла:

— От вас ничего не скроешь.

Она перестала улыбаться. Ее лицо стало вдруг напряженным и серьезным, и Доппельгангер уяснил: что-то действительно происходит и вряд ли ему удастся сейчас уйти.

* * *

Ламия — так назвалась явленная дождем девушка — повела Доппельгангера напрямик через дюны. Они с трудом поднимались по зыбкому песку, цепляясь, сколько возможно, за пучки песчаного колосняка, осторожно ступая в поисках более твердой почвы, и наконец вышли на широкую равнину, поросшую чахлой травой и колючим кустарником. Потом пересекли разоренную бетонированную дорогу, заброшенную еще с военного времени, и миновали обломки скрытых фортификационных сооружений.

И на всем этом пути, который изобилдовал неожиданными поворотами среди кустарников и бетонных руин, они не встретили ни единой живой души. Погода была ужасная.

Вдоль земляной дамбы, засаженной ивами, тянулось узкое шоссе, мощенное большими выпуклыми плитами, — оно и привело их к цели. На отшибе от поселка, посреди буйно заросшего сада, окруженного высокой дикой изгородью, стояла довольно внушительная вилла из красного кирпича. Нежилая, судя по всему. Полуразмытая табличка удостоверяла, что собственность продается. На главной двери висел старый нотариальный акт, сильно пострадавший от ветра и дождя. Ставни были закрыты.

Доппельгангер охотно бы перевел дыхание — он вспотел от быстрой ходьбы, — но Ламия не желала оставаться на шоссе. Она схватила его руку и потащила за собой. Обогнув здание, они очутились вне пределов любопытного взгляда случайного прохожего. Повсюду валялся какой-то хлам: старые промокшие бумаги, пустые бутылки в гнилых деревянных ящиках. Какой беспорядок, какое запустение... А ведь это место знавало, безусловно, лучшие времена.

Ламия резко толкнула плечом скрипучую дверь. Они проникли туда, где когда-то, вероятно, размещалась кухня. На грязных стенах виднелись квадраты и прямоугольники, оставленные холодильником, плитой, подвесными шкафами. Теперь торчала одна раковина. Кран и почти все трубы отсутствовали. Тщательно закрытая дверь погрузила их в полутьму — слабый сумеречный свет едва проникал сквозь ставни. Все это было печально и грязно, все это пахло драмой или житейской катастрофой.

Несмотря на интерес, пробужденный спутницей, Доппельгангер ощущал все возрастающую и непреодолимую тревогу. Ламия наблюдала за ним цинично и насмешливо. Но в то же время в ней угадывалась боязливая дрожь, которая придавала странную неопределенность ее поведению. Она судорожно проглотила слюну и спросила:

— Вы любите черный юмор?

— Что вы имеете в виду?

— Успокойтесь. Я вам скоро объясню... только сначала поцелуйте меня.

Она запрокинула голову и вытянула губы. Доппельгангер без особого порыва, почти из вежливости ей повиновался. Маленький рот был очень свеж и прохладен. Поцелуй доставил ему больше удовольствия, нежели он ожидал.

— Теперь пойдёмте.

Они поднялись на второй этаж и прошли мимо запущенных помещений и разбитых ваннных комнат: в коридорах валялись старые иллюстрированные журналы, пустые бисквитные коробки, осколки зеркал, раздавленные тюбики из-под зубной пасты. В треснутом горшке рваная лента едва поддерживала высохшее растение. Словно смерч просвистел здесь, словно поле битвы было когда-то здесь.

Доппельгангеру не нравилась экспедиция такого рода. Он повернулся к Ламии и сказал раздраженным и усталым тоном:

— Вы очень привлекательны, милая моя, и обожаете авантюры, надо полагать, но я не совсем понимаю, что нам здесь делать. Думаю, эта заброшенная вилла отнюдь не обетованный уголок, где вы проводите вакансии или принимаете друзей.

— Ошибаетесь. У меня здесь устроено очаровательное гнездышко. Никто его не видел и не знает. Я владелица тайного апартамента.

Она засмеялась, снова подставила губы для поцелуя и провела его выше на несколько ступенек, где лестничная площадка удивляла внезапной чистотой. Из окна открывалась деревня под дождем, беспокойная листва больших тополей; вдали проглядывалась тро-

пинка на гребне старой дамбы, где велосипедист в куртке с капюшоном старательно крутил педали против ветра.

Ламия остановилась перед закрытой дверью. Ее черты исказились. Прогулочный румянец растаял — осталась бледная маска, которую подергивала иногда судорога зловещего экстаза. Ужас, гордость, напряженность сходились вокруг глаз сеткой беглых морщин.

Доппельгангер ожидал услышать рыдание или смех — безумный и спазматический. Но Ламия только прошептала:

— Здесь.

И толкнула дверь. Доппельгангер увидел хорошо, даже кокетливо убранную комнату. На кровати лежала молодая женщина, едва прикрытая одеялом, — ее нагая грудь застыла в косом ракурсе. На горле резаная безобразная рана. Кровь стекала по ключице и груди и растворялась в простыне, чтобы затем, очевидно, стечь на полу.

Доппельгангер почувствовал тошноту. Он сжал ладонями виски, потом повернулся, помыслив о бегстве. Потом спросил как-то беспомощно:

— Полагаю, ничего сделать нельзя?

Ламия посмотрела на него спокойно:

— Она мертва.

Он остановил взгляд на красных пятнах — дождь еще не смыл их окончательно с ее деликатных рук, и все понял. Но верить не хотелось.

— Какой ужас, — прошептал он.

Он не испытывал негодования или какой-то обеспокоенности, скорее, мрачное равнодушие. Размышлять не хотелось. Посредине этой уютной комнаты, где явленная дождем девушка то казалась усталой и сонной, то склонной к истерическому взрыву, в зависимости от расположения на ее лице последних световых бликов, его охватило вялое безразличие, в котором угасал всякий интерес к рассуждению.

Он помотал головой, потер лоб и глаза и обратился к Ламии, что прислонилась спиной к двери:

— Несчастливая, — в его голосе послышалась жалобная, тоскливая интонация, — что вы собираетесь делать?

— Исполнить ее просьбу.

— Какую?

— Мы решили умереть вместе.

— Но как?

Он проследил ее руку, медленно указующую на ночной столик — там тускло блестела не замеченная им поначалу опасная бритва. Он отрешенно уставился в пол, чувствуя, как откуда-то из глубины вздымается холодная боль.

— И что вы хотите предпринять сейчас?

— То же самое.

Она не сводила с него взгляда. Экзальтация обреченности бросала огненный отблеск на ее щеки.

Доппельгангер подошел к ней, решив применить силу в случае, если она захочет взять бритву. Минуту они оставались в неподвижном молчании.

— У меня есть оружие. — Она рассекла молнию своего анорака.

Он инстинктивно согнул руку в защитном жесте, и она улыбнулась:

— Не волнуйтесь, я не причиню вам зла. Я должна умереть, поймите. Вы поможете мне, правда? Я не могу оставить ее. Да и что меня ждет? Тюрьма или клиника. Мне уже двадцать пять лет... Я довольно пожила. Еще час назад я думала убежать от этого кошмара. Но разве от судьбы убежишь? Когда я встретила вас на пляже, то поняла: надо вернуться сюда и умереть рядом с ней, как обещала.

Он хотел ее перебить, она резко откинула прядь волос:

— Секунду. Я прошу вас, мой роковой друг, поверенный моей тайны, помогите мне. Это так просто. Окажите мне эту услугу — вы согласны, не так ли? — и потом унесите бритву. Бросьте в море, и песок ее быстро затянет.

Ламия говорила как во сне, голосом мягким и монотонным. Начала раздеваться, готовясь лечь в постель, и глядела на Доппельгангера с нежной признательностью. Потом приблизилась к нему совершенно спокойная и посмотрела в его глаза глубоким взглядом:

— Если вы хотите...

* * *

Когда Доппельгангер очнулся, у его кровати стояли незнакомые люди. Один из них усмехнулся:

— Не тревожьтесь, любезный. Вы, верно, считаете, что здесь ночлежка.

Какой-то мужчина подошел вплотную и возмущенно проговорил:

— Эй, вы! Вставайте! Я агент по недвижимости, и никто не имеет права заходить сюда без моей санкции. Вон отсюда! И скажите спасибо, что я не вызвал полицию.

Потом обратился к своим спутникам:

— Вот, убедитесь, как неудобно иметь дело с заброшенным владением. Продажная цена пустяковая — едва ли выше стоимости участка. Хозяева готовы на все, лишь бы избавиться от этой громадины, за которой больше не могут ухаживать...

Доппельгангер с трудом поднялся и поправил костюм. Бессмысленно огляделся. Он чувствовал себя до крайности неловко и принялся извиняться.

— Ладно, ладно, — проворчал агент. У него явно была куча дел.

Остальные смотрели, улыбаясь, на заспанного человека, который уходил пятясь и бормоча какие-то глупости. Один из них миролюбиво сказал:

— Простите, что нарушили сон праведника.

Доппельгангер удалился при всеобщем оживлении.

* * *

Он вернулся в отель, недоумевая, где же все-таки провел ночь. Потом узнал, что пять лет тому назад в брошенной вилле нашли двух зарезанных женщин,

лежащих в одной постели. Таинственную драму так и не удалось распутать. Не нашли ни убийцы, ни орудия преступления. Это понятным образом затруднило продажу недвижимости.

«Пять лет тому назад... — размышлял Дюппельгангер, когда остался один. — Пять лет...»

Черт его знает, где он был тогда.